

Е.Ю. Дубровская

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ГЛАЗАМИ ФИНЛЯНДЦЕВ. ОБРАЗЫ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Завершившаяся девять десятилетий назад Первая мировая война была для России не просто внешним военным противостоянием. Она оказала существенное влияние на внутреннюю политику империи, повысив конфликтность политических, экономических, социальных и этнических отношений. В новейшей историографии подчеркивается качественно новый характер войны, которая потребовала «тотальной» мобилизации внутренних ресурсов для ведения внешних военных действий¹.

Автономное в составе Российского государства Великое княжество Финляндское оказалась именно тем регионом на северо-западе воюющей державы, где на фоне отсутствия собственно военных действий образовались многочисленные внутренние «фронты». Первая мировая война в Финляндии — это масштабное испытание на прочность как царской империи последнего периода ее существования, так и традиционных методов управления центра зависимыми территориями.

В данной статье ставится задача исследовать, как складывались взаимные представления финляндцев и российских военнослужащих в предвоенный период и годы Первой мировой войны. Это открывает перспективы для дальнейшего изучения роли военного фактора в истории России начала XX в. и исследования особенностей восприятия «человека с ружьем» гражданским населением империи. Проблема контактов российских военных с населением Финляндии во время Первой мировой войны, противоречия, возникавшие между ними, и представления, складывающиеся друг о друге, еще не становились предметом специального исследования, поэтому представляется необходимым обратиться к этой весьма острой проблеме, которую долгое время отечественные историки обходили молчанием.

Милитаризация внутренней жизни империи была связана с централизацией внутреннего управления, вызвала конфронтацию между гражданской и военной администрацией, содействовала перенесению образа внешнего врага во внутренние отношения между национальностями империи, что наиболее ярко проявилось в распространении германофобии. Качественно новый характер Первой мировой войны разрушал традиции имперской по-

литики и уклад имперской жизни. Но особенно неоднозначным оказалось влияние войны на судьбу западных окраин в силу их стратегического положения в зоне противоборства воюющих империй, существовавшей системы «деконцентрированного» управления (вплоть до статуса автономии, как в случае Финляндии), наконец, различия культур, ставшего ведущим фактором в конструировании образа врага в период войны.

Предпринятое в 1909–1917 гг. наступление имперской власти на автономные привилегии Великого княжества в финляндской историографии принято было характеризовать как второй (последовавший за 1899–1905 гг.) «период угнетения». Затем это явление (вопрос о причинах которого продолжает оставаться дискуссионным) предпочли называть «русификацией», наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация»².

Наиболее обстоятельное исследование проблем, связанных с историей российской армии и флота в Финляндии за более чем вековой период вхождения Великого княжества в состав Российской империи, принадлежит П. Лунтине-ну³. Монография его соотечественницы — финской исследовательницы О. Каремаа освещает, в частности, восприятие финляндским обществом российского административного и военного присутствия в бывшем Великом княжестве в 1917–1918 гг.⁴ Одни историки в соответствии с давней финляндской традицией продолжают называть события зимы–весны 1918 г. «освободительной войной», другие считают их войной гражданской или «борьбой классов»⁵.

Помимо опубликованных материалов (периодической печати, сборников документов, мемуарной литературы), позволяющих судить о взаимоотношениях российских военных и гражданского населения, есть возможность привлечь документы, которые хранятся в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto), Архиве фольклора Финского литературного общества (SKS), Архиве МИД Финляндии, Военном архиве Финляндии, в Российском государственном Военно-историческом архиве (РГВИА), Российском историческом государственном архиве (РГИА), а также в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК) и Архиве Карельского научного центра РАН.

Документы из фондов российских и финляндских архивов, современные исследования по истории российской армии и флота в Финляндии позволяют по-новому взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами населения княжества — финнов и шведов, проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни. В то же время материалы, обнаруженные в коллекции «1918 год» Архива фольклора Финского литературного общества (Хельсинки), дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев,

как правило, их младших современников, правда, почти через полувековую толщу времени.

Проект по сбору воспоминаний очевидцев и участников событий Гражданской войны в Финляндии был предпринят в 1966 г. и, к счастью, сумел зафиксировать более 50 томов рукописных и машинописных меморатов на финском языке, составлявшихся приблизительно по общему плану⁶. Незменным пунктом предлагавшегося плана был вопрос о «русских войсках, периоде войны и русской революции».

Однако при всей привлекательности этого источника, практически не вводившегося в научный оборот отечественными исследователями, приходится учитывать то обстоятельство, что он создавался много позже описываемых событий, когда Финляндия уже прошла через горький опыт войн со своим восточным соседом и в обществе сформировалась определенная «традиция рассказывания» о «России и русских». Воспоминания о тогдашнем негативном отношении к военным и особенно об участии (своем или своих близких) в акциях «сопротивления завоевателям» применительно к периоду Первой мировой войны нередко содержат преувеличения.

Этнолог А.-М. Острём опубликовала детские воспоминания финляндских шведов, живших в Гельсингфорсе (Хельсинки) в начале XX столетия. В них встречаются рассказы то о «русских казаках», внезапно промчавшихся по городскому парку «на своих небольших лошадях» к ужасу нянечек, вышедших с детьми на прогулку, то о русских мороженщиках, у которых ребятам покупали «первомайское мороженое», помещавшееся «между двух вафель», или о том, что во время Первой мировой войны «мама шила белье для русской армии»⁷.

***

Накануне Первой мировой войны основная расстановка сил участников назревавшего в Европе вооруженного противостояния была известна уже многие годы, поэтому Россия заранее стремилась упрочить свою безопасность на финляндском направлении. Однако средства, которыми решалась эта задача, раздражали финнов, и в столкновение стали приходиться интересы национального развития Финляндии, с одной стороны, и закономерности имперского развития России, подкрепленные военно-стратегическими и экономическими потребностями империи, — с другой.

В развернувшихся накануне Первой мировой войны «боях за память» о последней Русско-шведской войне 1808–1809 гг.⁸ гражданская администрация финляндского княжества была призвана взаимодействовать с во-

енными властями. Свидетельство тому — предписание Выборгского губернатора генерал-майора Ф. фон Фалера коронному ленсману (главе местного управления) Суоярвского округа в Восточной Финляндии, направленное в декабре 1913 г. Из документа явствует, что начальник военных перевозок по железным дорогам и водным коммуникациям полковник Месснер, действительный член Императорского военно-исторического общества, получил поддержку финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна в организации сбора «необходимых свидетельств о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках» для последующего широкого оповещения о найденных материалах. По распоряжению Зейна все губернаторы княжества должны были оказывать Месснеру полное и всестороннее содействие в осуществлении его задачи. В частности, позволить названному офицеру штаба «беспрепятственно проникать во все учреждения и заведения, имеющие какое-либо значение для изучения древних войн», и способствовать ему в исследованиях для подготовки отчета о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках⁹.

В условиях начавшейся мировой войны продовольственные трудности, обострение которых финляндская сторона неизменно связывала с пребыванием русских войск в крае, усугублялись наплывом беженцев из пределов России, прежде всего из прибалтийских губерний. К тому же, невзирая на некурортную обстановку, многие столичные семьи, имевшие дачи на Карельском перешейке, переезжали на лето в Финляндию, откуда отцы семейств отправлялись по делам в Петроград и возвращались обратно. Численность российских подданных в Финляндии к 1917 г. достигла 200 тыс. человек, включая 125-тысячный личный состав армейских частей и подразделений дислоцированного в Финляндии 42-го армейского корпуса, войск пограничной стражи и кораблей Балтийского флота, базировавшихся в финляндских портах¹⁰.

В начале 1917 г., когда в Гельсингфорсе по карточкам отпускались хлеб, масло, сахар, обеспечение продуктами русских военнослужащих и их семей велось строго через интендантство соответствующих частей и подразделений. Однако у жителей княжества сохранялось устойчивое представление о том, что «русская армия их объедает», что отчасти основывалось на печальном опыте проводившихся в военное время реквизиций. Ежемесячная реквизиция у крестьян около 6000 голов скота вела к его истреблению, а значит, к резкому сокращению молочных продуктов на столе рядового финского потребителя¹¹.

Миф финляндцев, представлявший присутствие российской армии и флота в княжестве накануне и в годы Первой мировой войны чуть ли не «оккупацией» Финляндии, находит как подтверждение, так и опровержение

в воспоминаниях современников. Наряду с множеством свидетельств мемуарного характера, авторы которых делают акцент на явных недостатках русских военных (пьянство, лень, зависть, неблагодарность и т.п.), среди воспоминаний из коллекции «1918 год» Архива фольклора Финского литературного общества немало и таких, которые рисуют их положительный образ. На них хотелось бы остановиться особо.

Как рассказывал один из жителей губернии Ваза (Вааса), в местах расквартирования частей солдаты сами доставляли себе провизию, у них всегда были привозная пшеничная мука и сахар. Другой старожил вспоминал о том, как «однажды в пост русские дали ему пшеничную муку». По мере обострения продовольственных трудностей люди стали часто ездить по окрестностям, с тем чтобы обменять мыло на хлеб. Некоторые горожане везли с собой масло с целью поменять его на муку у военных из Лиллкюро. Житель этого села Э. Ханнунен «общался с русскими почти ежедневно», а в детстве часто бывал у них в казармах, располагавшихся в центре села. По его словам, «до революции к стоявшим здесь военным относились с пониманием, сохранялось естественное общение и никто не отзывался о них плохо», «никакой ненависти и скандалов никогда не было»¹². К тому же здесь служили эстонцы и ингерманландцы, которые могли общаться с населением по-фински, а в с. Курикка размещался целый отряд велосипедистов (самокатчиков), полностью состоявший из эстонцев.

В годы войны в Финляндии стал ощущаться дефицит сахара, но, «умея себя вести», местное население всегда могло приобрести его у русских¹³. В частности, сахар служил средством оплаты жителям деревень за предоставленную возможность помыться в бане.

Уроженец местечка невдалеке от г. Пори (Бьернеборг) вспоминал, как в один из мартовских дней 1917 г. из города в их деревню прибыла казачья сотня, после чего человек 7–10 казаков регулярно ходили к ним в баню вместе с переводчиком — кавалеристом Федоровым. «Против них ничего не могу сказать плохого. Они всегда расплачивались сахаром, приносили его в наволочке, правда, безусловно чистой, — пишет Э. Палмунен о своих впечатлениях (ему было тогда 14 лет. — *Е.Д.*). — Как-то раз мама забыла золотое кольцо на комод в комнате, где рядовые одевались и ожидали после сауны кофе, а среди них был и такой, кого мы видели впервые». После их ухода колечко обнаружилось на прежнем месте, что дало основание автору воспоминаний сделать наблюдение, противоречащее расхожему стереотипу: «значит, честность была присуща и им»¹⁴.

По воспоминаниям финнов из прибоотнических приходов, солдаты каждый день пекли хлеб и приглашали к столу тех, кто к ним заглядывал, обижаясь, если от приглашения отказывались. «Многие считали их еду хорошей и хвалили ее». Э. Палмунен пишет о том, как в детстве пил чай в казарме и о поставленном тогда рекорде в шесть стаканов, как угощался солдатским супом, хотя и «на воде для умывания». Однажды офицер заказал ему набрать грибов, но заказ оказался неудачным: жители деревни собирали грибы только для компостных куч, и принесенная корзина даров природы оказалась напрасной¹⁵. Никто из односельчан не умел их приготовить, и день «оказался потраченным впустую».

Эйнар Палмунен также запомнил красивые сапоги, сшитые ему русским казаком, с которым договорились жестами: ведь «в деревне было трудно найти сапожника, а в этих я щеголял еще призывником в 1923 г.» Правда, остаток кожи, который по расчетам отца Эйнара, должен был остаться, сапожник все-таки не вернул¹⁶, «но и то хорошо», заключает автор воспоминаний.

В январе 1918 г., во время вспыхнувшей в Финляндии Гражданской войны, знакомых Э. Палмунену казаков вывезли поездом в направлении Пейпохья. «Та группа русских, которая ходила к нам в баню, перед отправкой пришла еще раз — попрощаться и поблагодарить за гостеприимство, как требуют правила хорошего тона». Автор воспоминаний все же далек от того, чтобы идеализировать своих русских приятелей. По его словам, последний приход в казармы православного священника с целью «причастить» отъезжающих (такие действия вне храма в пересказе человека иной конфессиональной принадлежности сами по себе вызывают сомнение) завершился тем, что «все оказались пьяны вдребезги, не исключая батюшки». По заключению Пальмунена, это произошло потому, что в это время сотня была уже «большевистски настроена».

Мотив падения дисциплины в среде военных, ставший очевидным только после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде, довольно распространен и соотносится с финским устоявшимся представлением о том, что и как нужно вспоминать об Октябрьской революции. «Следует отметить, что ухудшение дисциплины не было непосредственным результатом Февральской революции 1917 г., — пишет автор воспоминаний, — лишь когда большевики пришли к власти, это ухудшение стало явным». По свидетельству Э. Палмунена, его семья получила от переводчика Федорова разъяснения о настроениях в казармах: «говорили, что “буржуев” надо ликвидировать», неудивительно, что «изменение настроений солдат не могло не повлиять на общую обстановку в деревне».

Однако и в первые годы войны отношения финляндцев с российскими военными складывались зачастую непросто. В Финляндию в составе армейских частей попадали представители этносов, прежде совершенно не знакомых местному населению. Жившая в Выборге Лемпи Ванханен вспоминает о прибытии в район местечка Ямса «множества киргизов и лошадей», затем следует упоминание о казаках, плясавших вприсядку и удивлявших местных жителей джигитовкой и игрой на балалайке. Уроженка финляндской столицы Анни Йортиikka тоже пишет о построенных в Гельсингфорсе больших казармах, которые, как говорили, предназначались «для киргизов, очень грозных казаков». На следующее лето «в город привезли китайских солдат, которых разместили где-то в лагерях, в районе нынешнего крематория в Хиетаниеми»¹⁷. Хейкки Хови из-под Выборга запомнил, что в начале 1915 г. в их местность прибыл «русский саперный батальон для строительства укреплений, состоявший из татар и калмыков».

Иногда у жителей возникали конфликты с казаками: «Сначала те считали, что пришли во вражескую страну, но вскоре под воздействием своего начальства стали вести себя пристойно». В дальнейшем отношения населения и русских «были мирными»: местные жители «не хотели иметь дел с саперами и казаками», однако кое-кто из женщин с ними общался, поскольку «позже в нашем приходе появились казачата»¹⁸.

Между военными и местными жительницами было заключено несколько браков, но более распространенными были кратковременные связи — явление, получившее название «русские невесты» и становившееся в коммунах серьезной проблемой. По воспоминаниям жителей Лиллкюро губернии Ваза, каждое воскресенье в деревне устраивали танцы, где «девушки весьма грубо обращались с русскими», в частности, и из-за того, что в Лиллкюро «после них осталось несколько младенцев»¹⁹.

Языковой барьер не позволял контактам между местными жителями губернии Ваза и находившимися в Эстерботнии военными выходить за рамки элементарных бытовых отношений, хотя сохранились свидетельства о том, что в некоторых коммунах русские обычно приглашали финнов и шведов на свои праздники «с песнями и музыкой»²⁰.

В финляндской провинции, вдалеке от больших городов, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в столичной прессе Великого княжества, не влияли на повседневную жизнь сельского населения и не сказывались на отношении к финнам и шведам со стороны военнотружущих.

Примечательно свидетельство родившегося в 1907 г. Эррки Уотила о настроениях его земляков в период Гражданской войны: «В Финляндии повсюду проявлялось колебание, когда пришли русские. Одни в душе идеализировали их как пришедших освободителей, не было никакого единого мнения. Другие их ненавидели». И лишь когда началась «зимняя война» 1939–1940 гг. «все объединились в братском единодушии»²¹. Воспоминания оставила и уроженка Выборга (1899 г.р.) Эстер Ойнонен, работавшая в 1917 г. няней у детей городского судьи и проживавшая в его семье. В Выборге «было много русских солдат, которым одни симпатизировали, другие их ненавидели. В особенности финские служанки любили исключительно их, потому что на внешность они были красивые, подтянутые и вежливые, обходительные. Я, конечно, не собиралась с ними общаться, ведь у них были жены и дети в России, а многим девушкам пришлось плохо, когда эти отношения закончились»²².

Рассказчица упоминает и об одной из «стратегий выживания», к которым в 1918 г. приходилось прибегать ее хозяйке, если в городе устанавливалась власть «красных» или «белых» финнов. «Стали ходить слухи, что в России была революция и там к власти пришли коммунисты, они стали помогать потом финским “*пуникки*”» (презрительное название т.н. «красных финнов». — *Е.Д.*), и те захватили власть, так что жизнь была совсем как «мельница». Обыватели «прицепляли на грудь красные бантики, опасаясь мести “*пуникки*”, или же сине-белые вместо них, смотря кто победил. (Имеются в виду цвета национального флага независимой Финляндии). — *Е.Д.*) И в семье этого судьи хозяйка всегда по обстановке меняла нам, служанкам, такие значки»²³.

***

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах) позволяет представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и на себе испытывавших воздействие модернизационных процессов в вооруженных силах России. Противопоставление военных себя финляндцам в рамках дихотомии «мы–они» и аналогичное обособление гражданского населения от «человека с ружьем» — представителя чужой культуры — интересно с точки зрения исследования этнических стереотипов,

складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Финляндии.

Факты межэтнических конфликтов между российскими военными и населением бывшего Великого княжества Финляндского не позволяют довольствоваться идиллической картиной «классовой солидарности русских солдат и матросов с революционным финляндским пролетариатом», которая долгое время рисовалась в отечественной исторической литературе.

Однако, делая акцент на конфликтах и противоречиях между военнослужащими и финляндцами в период российской Революции 1917 г., следует избегать другой крайности — отрицания всякого взаимодействия между ними²⁴. Преодоление «перекосов» такого рода позволяет уйти из-под влияния новых мифов и стереотипов в отечественной историографии, пришедших на смену старым.

***

¹ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война. М., 1998; Россия в Первой мировой войне: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. См. также: *Кеттола Э.* Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 294–307; *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; *Он же.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; *Поршинева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Правилова Е.А.* Деньги и власть в политике России на национальных окраинах 1801–1917. М., 2006; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции... С. 308–323; Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, Гражданская война, отношения с Россией // *Интервенция на Северо-Западе России: 1917–1920 гг.* СПб., 1995. С. 159–174.

² Подробнее об этом см.: *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio.* 2002. № 2. С. 133–148; *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // *Имперский строй России в региональном региональном измерении (XIX — начало XX в.).* М., 1997. С. 5–17; *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобрников — генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997; *Сергеев Е.Ю.* Национальная идея в представлениях военной элиты России начала XX века // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* М., 2007. Вып. 4. С. 63–79.

³ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

⁴ *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

⁵ *Hyyönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. Helsinki, 1977; *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1918 — toukokuu 1918. Helsinki, 1967; 2 osa: Toukokuu 1918–1920. Helsinki, 1971; *Idem.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistymisen // Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1980; *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX — начало XX в.): междунар. коллоквиум: науч. докл. СПб., 2007. С. 59–68; *Полвинен Т.* Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Л., 1980. С. 11–20.

⁶ Suomen Kirjallisuuden Seuran Arkisto (SKS) — Архив фольклора Финского литературного общества. Собрание памятников устной традиции «1918». (Наиболее подробное исследование материалов коллекции проведено в исследовании: *Peltonen U.-M.* Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki, 2003).

⁷ *Hemma Bäst.* Minnen från barndomshem i Helsingfors. Helsingfors, 1990. S. 71, 146, 196.

⁸ Подробнее см.: *Витухновская М.А.* «Битва монументов»: русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX — начало XX века). С. 48–58.

⁹ НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 830. Д. 14. Л. 1.

¹⁰ *Дубровская Е.Ю.* Гельсингфорский совет депутатов армии, флота и рабочих (март–октябрь 1917 г). Петрозаводск, 1992. С. 20–21; *Она же.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008. С. 19–30.

¹¹ *Tuander K.* Финляндия и Россия. Пг., 1917. С. 66–69; Экономическое положение Финляндии во время войны. Пг., 1915.

¹² *Heikkinen S.* Den Ryska soldatsken och Österbottningarna // Blod på drivan: Händelserna 1917–1918 ur ett östrbottniskt perspektiv. Vasa, 1999. S. 27.

¹³ *Ibid.* S. 28.

¹⁴ SKS Arkisto. «1918» kokoelma. Side 22. S. 105–106. Einar Palmunen.

¹⁵ SKS Arkisto. Side 22. S. 108; *Heikkinen S.* Op. cit. S. 27.

¹⁶ SKS Arkisto. Side 22. S.108.

¹⁷ SKS Arkisto. Side 41. S. 95. Anni Jortikka.

¹⁸ SKS Arkisto. Side 4. S. 175–176, 179. Heikki Hovi.

¹⁹ *Heikkinen S.* Op. cit. S. 27, 29–30; *Luntinen P.* Op. cit. P. 407.

²⁰ *Nykvist N.E.* Aktivism och passivt mätstånd i södra Svenskösterbotten 1899–1918. Vasa, 1988. S. 115.

²¹ SKS Arkisto. Side 52. Erkki Uotila. S. 93.

²² SKS Arkisto. Side 22. S. 1. Ester Oinonen.

²³ *Ibid.* S. 2.

²⁴ См. также: *Дубровская Е.Ю.* Общественные настроения российских военнослужащих в Финляндии весной–летом 1917 г. // Военно-историческая антропология 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 220–232; *Она же.* Письма российских военнослужащих в Финляндии периода Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2002 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 465–476; *Она же.* Символы революции 1917 года в письмах российских военнослужащих в Финляндии // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 336–344.